

ПЕТР ПАВЛОВИЧ КОТОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (Сыктывкар, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7641-2437; kotovpetr55@mail.ru

РАСШИРЕНИЕ УДЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Аннотация. Удельная собственность просуществовала в России 120 лет, и в 1797–1863 годах в нее включались удельные крестьяне. В исследованиях остается слабо изученной тема расширения удельных владений как в целом по стране, так и в отдельных регионах именно по периоду бытования категории удельных крестьян. Анализ выявленных архивных документов показывает, что за первые тридцать лет существования удельное ведомство купило в Вологодской губернии три дворянских поместья. В марте 1804 года оно совершило наиболее крупную сделку в губернии, купив вотчину княгини В. А. Шаховской. Тем самым ведомство заметно увеличило численность удельных крестьян в Сольвычегодском уезде и создало владения в Великоустюгском уезде. За счет приобретения в том же году поместья Ф. Соколовой удел на треть умножил число своих крестьян в Вологодском уезде. После приобретения имения князя Щербатова в 1824 году почти на пятую часть выросла численность удельных поселян в Кадниковском уезде и были сформированы две новые удельные волости в Грязовецком уезде. Купленные имения не только увеличили удельную собственность в Вологодской губернии, но и внесли некоторые изменения в жизнедеятельность удельной деревни. Материалы статьи актуализируют необходимость выявления и исследования всех случаев приобретения угодий и крестьян, в том числе и по отдельным регионам России.

Ключевые слова: Вологодская губерния, удельные владения, удельные селения, удельные крестьяне, покупка имений, наличные души, окладные души

Для цитирования: Котов П. П. Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху феодализма основным производящим слоем населения России выступало крестьянство, которое подразделялось на категории и отдельные группы. Одной из основных категорий сельских тружеников являлись крестьяне, принадлежавшие царской семье и управляемые через дворцовое ведомство [3], [4], [13]. По указу Павла I от 5 апреля 1797 года дворцовая собственность отделялась от прочей и преобразовывалась в удельную; взамен дворцовых поселян формировалась новая категория сельских жителей – удельные крестьяне. При этом императорская семья оставалась верховным собственником удельных владений и крестьян. Между ее членами распределялись все доходы, получаемые от новой собственности. Тем не менее непосредственное управление владениями и крестьянами

возлагалось на Департамент (министерство) уделов. При этом удельное ведомство получило право, подтверждаемое и в последующих законах¹, приобретать у других собственников в пользу удела недвижимость и крестьян, прежде всего у помещиков.

Ряд проблем истории удельной деревни и удельной собственности нашел отражение в научных трудах. Однако вопрос о расширении удельных владений остается почти не изученным, в том числе и в региональных работах, включая по Европейскому Северу России² [5], [6], [7]. В лучшем случае обращалось внимание на так называемый симбирский обмен [2: 124–128], [12]. По нему в середине 1830-х годов относительно незначительные владения удела и малочисленные удельные крестьяне в 18 губерниях страны были обменяны на государствен-

ных крестьян и казенные владения в Симбирской губернии. В ходе обмена удел получил на 17,7 тыс. меньше сельских работников, но в четыре раза больше земли, чем передал казне: получил 2,711 млн десятин (далее – дес.), передал 0,745 млн дес.³

В предлагаемой статье на основе вновь вводимых архивных источников предпринята попытка анализа расширения удельных владений на примере Вологодской губернии. В Архангельской губернии такая практика не бытовала в силу отсутствия в ней помещичьих имений и значительной земельной собственности у купцов.

* * *

Изначально удельное имущество и крестьяне Вологодской губернии были подотчетны Архангельской удельной экспедиции, одной из девяти удельных экспедиций, созданных в регионах России в 1797–1798 годах. По «Положению о Департаменте уделов» от 1808 года на Севере были сформированы самостоятельные Архангельская и Вологодская удельные конторы (имения). В 1858 году они были соединены в Вельскую удельную контору (имение). В рамках упомянутых экспедиций и контор (имений) на правах низовой крестьянской выборности и самоуправления были сформированы удельные приказы и отделения (см. карту). По законам 1797–1798 годов в границах приказов следовало объединить территории, на которых проживало 3 тыс. ревизских душ. В случае если душ насчитывалось меньше, оформлялось удельное отделение. После 1808 года в рамках приказов стали объединять значительно большее число крестьян – 4, 5 и более тыс. душ. При этом в Вологодской губернии произошли существенные изменения границ удельных приказов и отделений⁴ [9: 103], [10: 18–19].

«Выборные» из крестьян – приказные головы, казенные и приказные старосты и писари осуществляли сбор разнообразных денежных податей и отправление натуральных повинностей. Им вменялся и ряд других функций. Отдельные элементы этих функций, но главное – распределение земельных угодий между крестьянами, укоренились в издавна сформированных общинах. Подавляющая часть удельных крестьян Вологодской губернии объединялась в рамках сложных общин, которые состояли из нескольких, иногда десятка, удельных поселений. Такие сложные общины именовались по-разному: волость, приход, боярщина, десятина, сотня, деревня. Постепенно эти разнообразные названия изживались и заменялись понятием «волость». Приведенное отступление необходимо для бо-

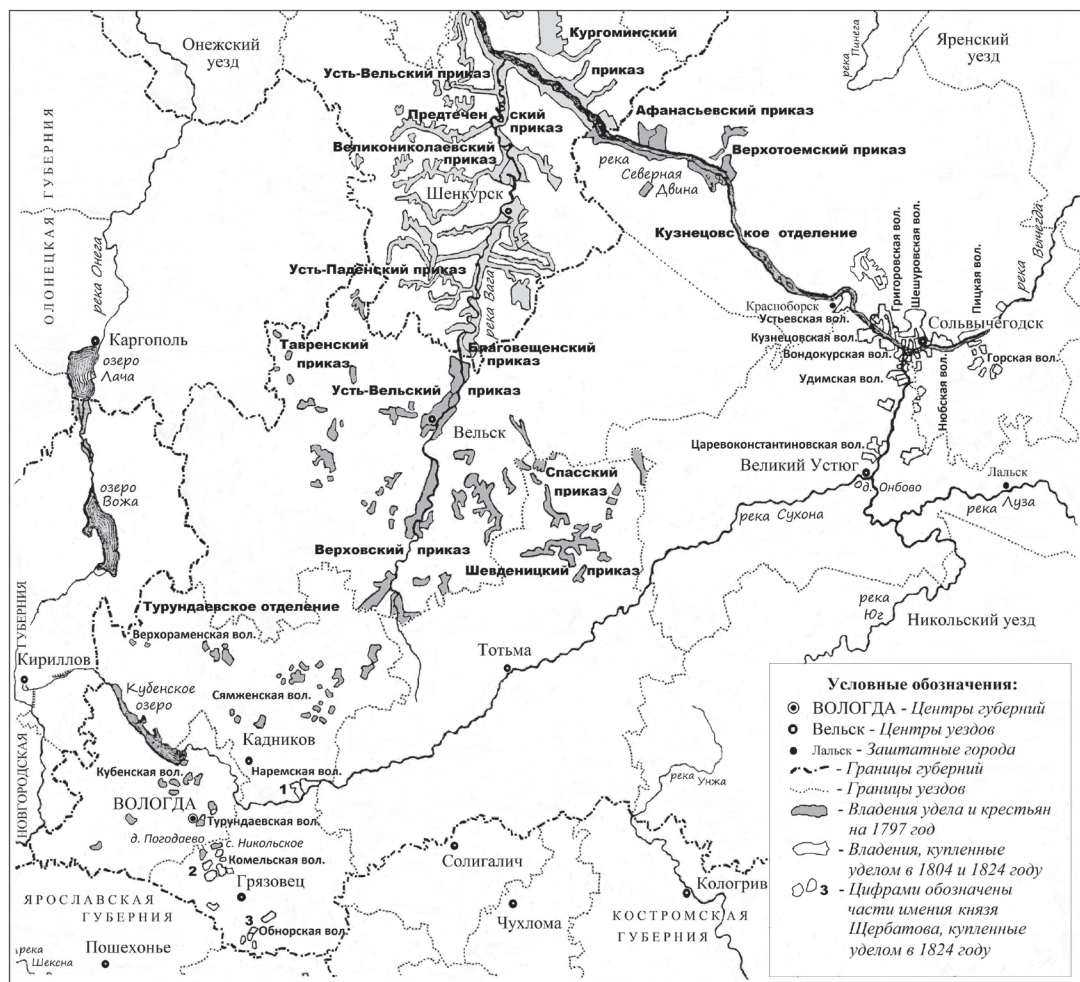
лее четкого представления о структуре местного удельного управления и для верного понимания представленных материалов.

22 июня (4 июля) 1803 года в Департамент уделов поступило прошение от княгини Варвары Шаховской (1748–1823) с предложением о продаже «родовой вотчины с крестьянами» в Сольвычегодском и Великоустюгском уездах Вологодской губернии⁵. Это поместье в числе других она обрела по наследству от отца Александра Григорьевича Строганова (1698–1754), богатейшего человека своего времени, выслужившего чин действительного тайного советника и получившего титул барона из рук Петра I. В 1763 году Варвара Александровна вышла замуж за сподвижника А. В. Суворова генерал-лейтенанта, князя Бориса Григорьевича Шаховского (1837–1813), брак был неудачным и фактически распался после рождения дочери Елизаветы в 1773 году. Отныне каждый из супругов во многом самостоятельно стал распоряжаться своей собственностью.

Нуждаясь в средствах, необходимых (после смерти дочери в 1796 году) на воспитание внучки Варвары (1796–1870) и на благотворительность, княгиня Шаховская решила продать одно из отдаленных имений. Владения, определенные на продажу, располагались по обоим берегам в низовьях рек Сухоны и Вычегды и в верхнем течении реки Северная Двина (см. карту). После предварительного согласия в июле 1803 года в Департамент уделов была представлена «Подлинная грамота с приложением красной вислой печати на пергаментном листу 7128 году февраля 27 дня (7 марта 1620 года. – К. П.) именитым людям Строгановым на устюжские и усольские вотчины». К ней прилагались «выпись», «планы на земли» и другие документы от 1565, 1588, 1617 и 1687 годов⁶.

В ходе рассмотрения чиновниками материалов выяснилось, что к покупке предлагалось свыше 26 тыс. дес. разработанных угодий, леса и «неудобий». Здесь в 44 деревнях Сольвычегодского уезда «проживало наличных» 451 мужчина и 525 женщин, в 42 селениях Великоустюгского уезда – 521 мужчина и 582 женщины, еще один крепостной находился «в отлучке», двое – в качестве дворовых у барыни в Санкт-Петербурге⁷.

Одновременно в Сольвычегодском уезде в границах владений княгини Шаховской были выявлены деревни Окуловка и Нероновская, основанные «от века» половниками. В первой из них реально проживало 19 мужчин и столько же женщин, в другой – пять мужчин и семь женщин⁸. Наряду с этим оказалось, что по предыдущей ревизии в имении мини-

Владения удела в Вологодской губернии в первой четверти XIX века

Appanage property in the Vologda province in the first quarter of the XIX century

Примечание. Волости (вол.) и деревни Кузнецовского удельного отделения (бывшего имени княгини В. А. Шаховской) в границах после 1808 года (в скобках указано число душ мужского пола по V ревизии). **Сольвычегодский уезд** – 6 волостей, 46 деревень (**441**): Горская вол. – 15 деревень (**112**): Абросовская (12), Андреевская (7), Березовец (6), Боброва Горка (11), Бурцово (9), Веселуха (5), Горка (17, 17), Денисовская (5, 3), Константиновская (Игольничьино, Игольница 7, 9), Остров (8, 5), Пенкино (6), Поповская (4), Табары (7), Турухтиха (5), Усова Горка (3); Григоровская вол. – 3 деревни (**60**): Григорово (21), Алешино (5), Крутец (34); Нюбская вол. – 8 деревень (**66**): Вороницыно (3), Горка (3), Городище (7), Зарубино (6), Змееватка (3), Козловка (1), Козминская (10), Поздышево (33); Пицкая вол. – 8 деревень (**68**): Боброво (12), Катанха (6), Княжица (5), Копалиха (5), Кривцово (8), Новина (3), Новодворская (23), Рычково (6); Устьевская вол. – 5 деревень (**49**): Гнездовская (5), Кичигино (14), Мальцевская (7), Пихтовица (14), Шейнская (9); Шешуровская вол. – 7 деревень (86): деревни Козловка (10), Мокенха (11), Нероновская (5), Окулово (15), Секиринская (13), Судницыно (6), Шешурово (26). **Великоустюгский уезд** – 4 волости, 32 селения (**476**): Вондокурская вол. – 9 селений (**127**): село Вондокурское (28); деревни Болтинская (6), Бугино (10), Голышкино (8), Межник (10), Нератцово (42), Нестерово (9), Овечкино (10), Федоровская (4); Кузнецовская вол. – 7 деревень (111): Бердниково (10), Выставка (7), Кузнецово (58), Мысок (14), Степанидово (10), Уртомож (5), Филиппово (7); Удимская вол. – 11 деревень (**106**): Варнавино (17), Горка (1), Деревенька (7), деревня при мельнице Удим (5), Забелинская (6), Козминская (12), Кумиха (18), Курцово (4), Ленивица (3), Олюшино (25), Соколя Горка (8); Цареконстантиновская вол. – 5 селений (**132**): село Нокшинское (66); деревни Заямжа (17), Онбово (19), Пазуха (9), Федоровская (21). **Всего** – 10 волостей, 78 селений (**917**).

Составлено по: РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 10, 37; Оп. 10. Д. 773, 587; Оп. 71. Д. 2399–2403.

мум три души мужского пола (далее – д. м. п.) не были включены «в оклад», то есть не уплачивали денежные подати и не выполняли повинности. После оформления сделки в марте 1804 года на уплату княгине В. А. Шаховской 145 тыс. руб. в течение десяти лет «равными долями»⁹ удел решил считать по V ревизии 917 окладных д. м. п. и учитывать 1100 неокладных женских душ (см. таблицу).

В число указанных окладных душ засчитали 15 половников деревни Окуловка и пять половников деревни Нероновская. Они, несмотря на протесты, были «исключены из ведомства казенной палаты» и причислены к уделу (вошли в Шешуровскую волость)¹⁰. Заметим, что указанные половники достались удельному ведомству бесплатно, ибо они не учитывались при определении стоимости владений княгини Шаховской. Другие

половники (не менее 26 душ), работавшие на территории поместья, но проживающие в деревнях за ее пределами, уделу заполучить не удалось, хотя такие попытки предпринимались.

В границах приобретенного имения было создано Кузнецовское отделение Архангельской удельной экспедиции, которое включало 10 волостей: шесть волостей в Сольвычегодском уезде и четыре волости в Великоустюгском уезде. Волости существенно различались. В них бытовало от трех деревень в Григоровской волости до 15 – в Горской волости и насчитывалось от 49 ревизских д. м. п. в Устьевской волости до 132 д. м. п. в Царевоконстантиновской волости (см. карту).

До приобретения новых владений удельные крестьяне Сольвычегодского уезда проживали в Афанасьевском и на части Борецкого приказа, в границах после 1808 года – в Верхотоемском и Афанасьевском приказе (см. карту). По V ревизии в них насчитывалось 240 селений и 4853 д. м. п. После стяжения поместья княгини Шаховской численность удельных селений в Сольвычегодском уезде возросла на 19,2 %, численность крестьян – на 9,1 %, доля ревизских д. м. п. последних среди сельских жителей уезда увеличилась с 17,3 до 18,8 %. С другой стороны, удельные крестьяне впервые появились в Великоустюгском уезде, где они, правда, оставались небольшой группой сельчан, и их доля по V ревизии составляла лишь 1,6 % от крестьянства уезда [7: 313]¹¹.

Еще на стадии завершения сделки с В. А. Шаховской «февраля дня 1804 года» в министерство уделов обратился с прошением

«верноподданейший Вологодской округи деревень Погари, Барановки, Доронина и Желуткина поверенный крестьян Александр Москвинов... вернуть их в первобытное состояние (в удел. – П. К.)... из имения коллежской советницы Соколовой»¹².

Считаю, что прошение инициировала сама владелица поместья, так как за несколько дней до его подачи и от нее поступила в удел просьба с формулировкой: «вернуть крестьян в первобытное состояние... и дать выгодную цену»¹³. Выяснилось, что в начале 1797 года Павел I «пожаловал надворному советнику Павлу Соколову из дворцовых земель... сто душ» в четырех деревнях, расположенных вблизи Вологды. В 1801 году помещик умер, не успев даже размежевать земли с теперь уже удельными владениями. При этом в деревнях Желудкино и Погарь по-прежнему обитало три ревизских души удельных крестьян. Вдова Феодосья Соколова, оставшись с четырьмя «малолетними детьми», не смогла наладить хозяйство, нуждалась в средствах и поэтому решила продать деревни¹⁴.

После осмотра собственности и изучения документов удельные чиновники определили, что «имение чисто от внешних споров», в его деревнях проживало «наличных» 102 мужчины (94 ревизских) и 111 женщин и оно пригодное для покупки за 19 650 руб.¹⁵ Некоторое вре-

Число селений, душ, дворов и работников в помещичьих имениях, купленных в Вологодской губернии в 1804 и 1824 годах

The number of villages, souls, farmyards, and workers in landlords' estates purchased in the Vologda province in 1804 and 1824

Имена, год покупки, количество селений	Душ по ревизии			Дворов			Семей	Работников ³	
	м.	ж.	всего ¹	абс. ²	душ на двор				
					м.	ж.			всего
<i>Имение Шаховской</i> (1804 год, V ревизия)									
Сольвычегодский уезд – 46 селений	441	550	983 (21,5)	130 (2,8)	3,4	4,2	7,6	137	251
Великоустюгский уезд – 32 селения	476	550	1034 (32,1)	136 (4,3)	3,5	4,0	7,5	144	278
Всего – 78 селений	917	1100	2017 (26,5)	266 (3,4)	3,4	4,1	7,6	281	529
<i>Имение Соколовой</i> (1804 год, V ревизия) – 4 селения	96	111	207 (51,8)	40 (10,0)	2,4	2,8	5,2	44	100
<i>Имение Щербатова</i> (1824 год, VII ревизия)									
Кадниковский уезд – 5 селений	127	119	246 (49,2)	43 (8,6)	3,0	2,8	5,7	46	61
Грязовецкий уезд – 18 селений	407	423	830 (46,1)	138 (7,7)	2,9	3,1	6,0	144	205
Всего – 23 селения	534	542	1076 (46,8)	181 (7,9)	3,0	3,0	6,0	190	266

Примечание: ¹ – в скобках – душ на одно селение; ² – в скобках – дворов на одно селение (дворность селений); ³ – по имению Шаховской и Щербатова – ревизских душ мужского пола, по имению Соколовой – душ обоего пола. Составлено по: РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 10. Л. 146 об.–147; 37. Л. 19–187 об.; Оп. 10. Д. 587. Л. 27 об. – 32 об.; Д. 773. Л. 41–106.

мя приобретенное достояние фиксировалось как «удельные деревни бывшего имения помещика Соколова», пока с начала 1809 года селения не были включены в состав Турундаевской волости (см. карту). Для них, с учетом одного умершего и трех уже проживавших удельных крестьянина, удел определил по V ревизии 96 окладных мужчин и 92 неокладных женщины, которые обитали в 40 домах (см. таблицу). В результате численность удельных крестьян в Вологодском уезде увеличилась до 401 ревизской души, то есть почти на треть – на 31,5 %. Правда, совокупная доля удельных поселян среди сельских жителей уезда оставалась малозаметной – немногим более 1,2 % по V ревизии [7: 313]¹⁶.

Спустя два десятка лет, 21 апреля (1 мая) 1824 года, Александр I приказал Департаменту уделов «исполнить» приобретение поместья егермейстера, князя Щербатова в Кадниковском и Грязовецком уездах Вологодской губернии (см. карту). Продававшая имение княгиня Щербатова просила 267 тыс. руб., но после торгов с удельными чиновниками «согласилась получить за оное 200 тыс. рублей с тем, чтобы деньги сии были ей выданы все сполна при совершении купчей крепости»¹⁷.

Поместье Щербатова включало 23 деревни, 3728 дес. земли «в единственном пользовании» и 4760 дес. угодий «в общем владении с разными помещиками». В нем на 1824 год проживало наличных 524 мужчины и 555 женщин¹⁸. По VII ревизии здесь было положено в оклад 534 мужских души и учтено 542 женских души (см. таблицу).

Первая часть купленной вотчины Щербатова располагалась на юге Кадниковского уезда. На этой территории была образована Наремская волость (127 душ), к ней было приписано пять деревень (в скобках указано число д. м. п. по VII ревизии): Дикое (15), Верхняя сторона (63), Нижняя Сторона (13), Починок Березов (28) и Починок Татауров (8). Вторая часть вотчины, на севере Грязовецкого уезда, включала 15 деревень (363 души): Антропово (7), Блещево (6), Демкино (5), Дьяконово (20), Закобякино (58), Ивановская (22), Клыгино (32), Костино (14), Крутец (34), Макарово (7), Марково (50), Поповская (51), СтеблOVO (12), Черногоубово (41), Яковлево (4). Эти деревни были включены в Комельскую волость. Третья часть поместья Шаховского составила Обнорскую волость, которая в южной части Грязовецкого уезда охватывала 3 деревни (44 души): Вараксина (12), Маринцыно (11), Трусово (21). Все перечисленные волости входили в Турундаевское отделение, образованное в 1808 году (см. карту).

По данным VIII ревизии крестьяне бывшего имения князя Щербатова в Кадниковском уез-

де насчитывали 128 окладных душ, или 19,9 % удельных крестьян, в Грязовецком уезде – соответственно 414 душ, или 93,5 % поселян удельного ведомства¹⁹. В целом по Турундаевскому отделению эти души составляли 34,6 %, или свыше трети окладных удельных крестьян, учтенных по VIII ревизии.

Помещичьи крестьяне после покупки их уделом, оставались на прежнем, более высоком крепостном оброке, который в начале XIX века не отличался очень сильно от удельного оброка. Так, в 1804 году крепостные княгини Шаховской в Сольвычегодском уезде выплачивали оброк в среднем по 5,0 руб. с ревизской д. м. п., в Великоустюгском уезде – в среднем по 4,53 руб., тогда как удельные крестьяне Вологодской губернии – по 4,08 руб. с души. При этом 112 душ крепостных, или 25,9 %, в Сольвычегодском уезде и 259 душ, или 54,4 %, в Великоустюгском уезде имели оброк меньше по сравнению с удельными поселянами губернии. После увеличения удельного оброка в 1810 году бывшие крепостные княгини Шаховской и помещицы Соколовой стали платить его наравне с удельными крестьянами Вологодской губернии.

Другое наблюдалось спустя двадцать лет, когда крепостные вотчины князя Щербатова были оставлены на прежнем двадцатирублевом душевом окладе, тогда как удельным крестьянам Вологодской губернии с 1824 года душевой оброк хоть и повысили, но только до восьми рублей. Объяснимо, что бывшие крепостные князя Щербатова стали жаловаться и просить о снижении окладов до уровня удельных крестьян²⁰. При этом с 1827 года Департамент уделов значительно ограничил отход своих крестьян на заработки и возможности для занятий промыслами. В удельной деревне Вологодской губернии именно эти виды неземледельческих занятий являлись основным источником получения денежных средств, необходимых для уплаты податей [8]. Вероятно, это обстоятельство учли в удельном ведомстве и задним числом с начала 1827 года бывшим крестьянам имения князя Щербатова удельный оклад уменьшили до 15 руб.²¹ Попытки крестьян понизить уровень и этого оклада продолжались. Эти попытки актуализировались в середине 1830-х годов, когда удел в рамках «политики попечительства» стал увеличивать иные денежные сборы, вводить новые ограничения и усиливать контроль за хозяйственной деятельностью крестьян [1], [9]. Однако бывшие крепостные князя Щербатова так и платили повышенный оброк вплоть до введения в начале 1840-х годов в удельной деревне Вологодской губернии так называемого поземельного сбора.

Отметим, что княгине В. А. Шаховской за каждую ревизскую д. м. п. удел с 1805 по 1814 год выплачивал ежегодно по 15,81 руб., помещице Ф. Соколовой – по 20,47 руб., тогда как владельцы вотчины князя Щербатова получали сразу всю сумму. Именно поэтому, как упоминалось, плата за их вотчину и была снижена на 67 тыс. руб.

Однако указанные суммы определялись в бумажных деньгах, курс которых относительно серебра в первые полтора десятилетия XIX века неуклонно понижался и относительно стабилизировался лишь с 1816 года. В 1805 году один руб. ассигнациями (далее – асс.) на Санкт-Петербургской бирже равнялся 73 коп. серебром (далее – сер.), в 1815 году – 20 коп. сер., в 1824 году – 26,5 коп. сер. [11: 37]. Поэтому за каждого крепостного княгиня Шаховская в 1805 году получила первую выплату в размере 11,54 руб. сер. за ревизскую душу, последнюю выплату в 1814 году – 3,16 руб. сер., помещица Соколова – соответственно 14,94 руб. сер. и 4,09 руб. сер. Всего в 1805–1814 годах княгиня В. А. Шаховская получила за каждую ревизскую душу своих крепостных номинально 158,12 руб. асс., с учетом средневзвешенного курса рубля – 63,96 руб. сер., помещица Ф. Соколова соответственно – 204,69 руб. асс. и 82,80 руб. сер. Последняя при сделке с уделом получила с души проданных крепостных большую сумму в связи с тем, что деревни ее имения располагались вблизи губернского центра, где земля ценилась дороже и крестьяне имели лучшие возможности для заработков и сбыта товаров. Больше упомянутых владелиц имений выгадали хозяева вотчины князя Щербатова, которые в 1825 году сразу получили за каждую ревизскую душу крепостных номинально по 374,53 руб. асс., по реальному курсу – 98,87 руб. сер. Если бы подобное было осуществлено для сделок в 1804 году, княгиня Шаховская получила бы с каждой ревизской души своих крепостных, с учетом курса ассигнаций, по 115,43 руб. сер., помещица Ф. Соколова – по 149,42 руб. сер., они, напротив, выгадали бы относительно сделки удела с владельцами вотчины князя Щербатова.

Материалы таблицы свидетельствуют, что в начале XIX века в имении княгини Шаховской на территории Сольвычегодского уезда в среднем на одно селение приходилось 2,8 двора. Более существенная дворность селений наблюдалась в Великоустюгском уезде, где в среднем на одну деревню доводилось 4,3 двора. Дворность селений была еще более высокой в южных уездах Вологодской губернии. Например, в имении Ф. Соколовой она достигала в среднем по 10,0 двора

на одну деревню, в вотчине князя Щербатова в Кадниковском уезде – 8,6 двора, в Грязовецком уезде – 7,7 двора на одно селение. Более высокая дворность селений в южных уездах относительно северных районов наблюдалась в государственной деревне и в целом по сельским поселениям Вологодской губернии [7: 110–113], [10: 21].

Понятно, что дворность купленных помещичьих селений объясняла показатели их людности. Так, в начале XIX века в имении княгини Шаховской на территории Сольвычегодского уезда в среднем в одной деревне проживали 21,5 души обоого пола. Соответственно более высокая дворность деревень определила и более многолюдные селения в Великоустюгском уезде, где фиксировали по 32,1 души в среднем на одну деревню, в имении Ф. Соколовой – в среднем по 51,8 души на одну деревню. Последние показатели вполне соотносились с показателями по удельной деревне Вологодского уезда (59,3 души на одно селение), но отличались от удельной деревни Сольвычегодского уезда, где в среднем на селение приходилось 41,4 души. Более значительными выглядели указанные показатели, правда, по VII ревизии в вотчине князя Щербатова на одно селение в Грязовецком уезде приходилось 46,1 души обоого пола, в Кадниковском уезде – 49,1 души (см. таблицу). Эти данные были сопоставимы с данными в целом по упомянутым уездам и удельной деревне Вологодской губернии [7: 110–113], [10: 21].

Примечательно, что достаточно малолюдными выглядели дворы в поместье помещицы Соколовой, где в среднем на двор приходилось всего 4,7 души обоого пола, тогда как в вотчине Шаховской – около 7,6 души и в имении князя Щербатова (по VII ревизии) – по 6,0 души обоого пола (см. таблицу). Сравнимой выглядела людность дворов по удельной деревне Вологодской губернии, в которой в конце XVIII века в среднем на двор приходилось 6,4 души обоого пола [10: 21]. Считаем необходимым указать, что доля работников среди помещичьих крепостных примерно соответствовала доле работников в удельной деревне Вологодской губернии и составляла около или немногим более половины от численности крестьян (см. таблицу) [10: 20].

Данные таблицы показывают, что в помещичьих имениях число семей превосходило количество дворов, то есть в некоторых дворах вынуждены были проживать по две самостоятельных семьи. В Сольвычегодском уезде фиксировалось семь таких семей, или 5,1 %, в Великоустюгском – 8 семей, или 5,7 %, в поместье Ф. Соколовой – 4 семьи, или 9,1 %. Заметим, что такое явление было характерно и для удельной деревни Севера, в которой показатели совместного про-

живания нескольких семей в одном дворе стали нарастать после введения упомянутой «политики попечительства» удела [1], [9], [10: 21].

Отметим, что архивные источники о покупке уделом помещичьих имений в Вологодской губернии содержат важные материалы о пашенных, сенокосных и лесных угодьях, об обеспеченности крепостных птиц, рабочим и продуктивным скотом и некоторые другие данные. Однако указанные сведения требуют специального анализа, как минимум в рамках отдельной статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение первой четверти XIX века удельное ведомство совершило в Вологодской губернии три сделки по приобретению помещичьей недвижимости и крепостных. В результате в 1804 году удел увеличил собственность и численность удельных крестьян в Сольвычегод-

ском уезде, почти на треть умножил число своих поселян в Вологодском уезде и создал владения еще в одном, Великоустюгском, уезде. После покупки в 1824 году очередного поместья в Вологодской губернии Департаменту уделов удалось обеспечить прирост пятой части своих крестьян в Кадниковском уезде и создать две новых удельных волости в Грязовецком уезде. При продаже более высокую прибыль в расчете на одного крепостного получили владельцы вотчины князя Щербатова, хотя наиболее экономически выгодным было расположение деревень имения помещицы Ф. Соколовой, которые находились вблизи губернского центра. Закономерно, что наименьшую выгоду в расчете на продаваемого крепостного получила княгиня В. А. Шаховская, владения которой были разбросаны в отдаленной восточной части Вологодской губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое (ПСЗРИ-1). Т. XXIV. № 17906. С. 525–569.
- ² Боголюбов В. А. Удельные крестьяне // Великая реформа: В 6 т. Т. 2. М., 1911. С. 294–364; История уделов за столетие их существования. 1797–1897 гг.: В 3 т. Т. 1. СПб., 1901. 723 с.; Т. 2. 581 с.
- ³ История уделов... Т. 1. С. 215–222.
- ⁴ ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18423. С. 126; Т. XXX. № 23020. С. 226–258; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XXXIII. Ч. 2. № 33861. С. 451–452.
- ⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 7. Д. 10. Л. 1–1 об.
- ⁶ Там же. Д. 10. Л. 22–25 об.
- ⁷ Там же. Л. 38.
- ⁸ Там же. Л. 146 об.–147.
- ⁹ Там же. Л. 182–183 об.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 43–48; Оп. 10. Д. 587. Л. 25 об.–28 об.
- ¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 43–48; Оп. 7. Д. 10. Л. 1–148; Оп. 10. Д. 587. Л. 25 об.–28 об.
- ¹² Там же. Оп. 7. Д. 37. Л. 1 об.
- ¹³ Там же. Л. 2–2 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Л. 14 об., 73; Оп. 10. Д. 587. Л. 25 об.–28 об.
- ¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 43–48; Оп. 7. Д. 37. Л. 1–73; Оп. 10. Д. 587. Л. 25 об.–28 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Оп. 10. Д. 773. Л. 1, 8, 41–106.
- ¹⁹ Сравнения проводятся по данным VIII ревизии в связи с тем, что исследователи считают сведения VII ревизии по уездам и губерниям недостоверными. Конечно, это не относится к учету душ по отдельным селениям или помещичьим имениям.
- ²⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 773. Л. 221.
- ²¹ Там же. Л. 227.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гриценко Н. П. Политика феодального «попечительства» удельного ведомства над крестьянами // Ученые записки Чечено-Ингушского педагогического института. 1958. № 10. С. 249–287.
2. Гриценко Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (Очерки). Грозный, 1959. 585 с.
3. Дунаева Н. В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец 18 – первая половина 19 в.). СПб., 2006. 284 с.
4. Индова Е. И. Дворцовое хозяйство России. Первая половина XVIII в. М., 1964. 352 с.
5. История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. 1. 432 с.
6. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. 400 с.
7. Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. 416 с.
8. Котов П. П. Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2012. Вып. 3. С. 149–155.
9. Котов П. П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5: История и филология. 2012. Вып. 3. С. 103–107.

10. Котов П. П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 1 (130). С. 18–22.
11. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. 301 с.
12. Никulina Н. Ю. Ликвидация удельной земельной собственности в России // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1986. С. 38–45.
13. Половинкин Н. С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX веков). Тюмень, 1992. 142 с.

Поступила в редакцию 14.12.2020; принята к публикации 22.03.2021

Original article

Petr P. Kotov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7641-2437; kotovpetr55@mail.ru

EXPANSION OF APPANAGES IN THE VOLOGDA PROVINCE IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

Abstract. Appanage property existed in Russia for 120 years; during the period from 1797 to 1863 it included state peasants. The issue of the expansion of appanage property both in the country as a whole and in its separate regions is poorly studied, particularly concerning the period of existence of the category of state peasants. The analysis of the identified archival documents shows that in the first thirty years of its existence the Appanage Department bought three noble families' estates in the Vologda province. In March of 1804, it concluded the largest deal in the province by purchasing the patrimonial estate of Princess V. A. Shakhovskaya. Thus, the Department significantly increased the number of state peasants in the Solvychevodsk uyezd and created possessions in the Veliky Ustyug uyezd. Due to the purchase of F. Sokolova's estate in the same year, the Department tripled the number of its peasants in the Vologda uyezd. After purchasing Prince Shcherbatov's estate in 1824, the number of appanage settlers in the Kadnikovskiy uyezd increased almost fivefold, and two new appanage volosts (administrative districts) were formed in the Gryazovetskiy uyezd. The purchased estates not only increased the appanage property in the Vologda province, but also introduced some changes in the life of the appanage village. The materials presented in the paper actualize the need to identify and study all cases of purchasing land and peasants, including such cases in various regions of Russia.

Keywords: Vologda province, appanage possessions, appanage villages, state peasants, purchase of estates, available souls, taxpayers

For citation: Kotov, P. P. Expansion of appanages in the Vologda province in the first quarter of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616

REFERENCES

1. Gritsenko, N. P. The policy of feudal “patronage” of the Appanage Department over the peasants. *Proceedings of the Chechen-Ingush Pedagogical Institute*. 1958;10:249–287. (In Russ.)
2. Gritsenko, N. P. The Tsar's family's peasants of the Middle Volga region. Essays. Grozny, 1959. 585 p. (In Russ.)
3. Dunaeva, N. V. The Tsar's family's peasants as the subjects of the Russian Empire law (between the late XVIII and the first half of the XIX centuries). St. Petersburg, 2006. 284 p. (In Russ.)
4. Indova, E. I. The royal court economy in Russia. The first half of the XVIII century. Moscow, 1964. 352 p. (In Russ.)
5. History of northern peasantry. Vol. 1. Arkhangelsk, 1984. 432 p. (In Russ.)
6. Kovalchenko, I. D. Russian serfdom in the first half of the XIX century. Moscow, 1967. 400 p. (In Russ.)
7. Kolesnikov, P. A. Northern villages between the XV and first half of the XIX centuries. Vologda, 1976. 416 p. (In Russ.)
8. Kotov, P. P. Peculiarity of seasonal work of Tsar's family peasants in the European North of Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History*. 2012;3:149–155. (In Russ.)
9. Kotov, P. P. The supervising of Tsar's appanage and its results: the example of the Russian European North. *Bulletin of Udmurt University. Series 5: History and Philology*. 2012;3:103–107. (In Russ.)
10. Kotov, P. P. Tsar's family peasants in European North of Russia: distribution and demographic processes. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2013;1(130):18–22. (In Russ.)
11. Mironov, B. N. Grain prices in Russia over two centuries (XVIII–XIX centuries). Leningrad, 1985. 301 p. (In Russ.)
12. Nikulina, N. Yu. Liquidation of appanage land property in Russia. *Northwest in the agricultural history of Russia*. Kaliningrad, 1986. P. 38–45. (In Russ.)
13. Polovinkin, N. S. Palace (state) peasants of the Middle Volga region and the Trans-Urals (between the second half of the XVI and first half of the XIX centuries). Tyumen, 1992. 142 p. (In Russ.)

Received: 14 December, 2020; accepted: 22 March, 2021